ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ РОБЕРТА ФРОСТА

Дурдымурадова Билбил Язгельдиевна

студент, Карачаево-Черкесская государственный университет, РФ, г. Карачаевск

Эльканова Бэла Дугербиевна

научный руководитель, канд. техн. наук, доцент, Карачаево-Черкесская государственный университет, РФ, г. Карачаевск

Аннотация. Во многих своих стихах Роберт Фрост использует пространство, а не время или повествовательный эпизод, чтобы закрепить трагическое, которое мы определяем как отсутствие пригодных для жилья атрибутов жилого пространства. Фрост привносит внутреннюю трагичность в свою поэзию, рисуя для своих читателей пространственную реальность, которая находится в пределах параметров жилого пространства.

Abstract. In many of his poems, Robert frost uses space rather than time or a narrative episode to anchor the tragic, which we define as the lack of habitable attributes of living space. Frost brings inner tragedy to his poetry, drawing for his readers a spatial reality that is within the parameters of living space.

Ключевые слова: поэзия двадцатого века, Роберт Фрост, космос, жилье.

Keywords: twentieth century poetry, Robert frost, space, housing.

В поэзии Роберта Фроста трагическое связано с пространством. Это означает, что развитие действия обычно не временное или эпизодическое, а скорее пространственное. «Witch of Coos» и «The Death of the Hired Man» - это два стихотворения, которые демонстрируют осознание пространственной по мере того, как разворачивается трагедия или как она запоминается через пространственную память, которая локализует действие в ограниченном, формальном пространстве – доме.

Трагическим, как мы его определяем, является отсутствие пригодных для жилья атрибутов жилого пространства. У персонажей в этих двух стихах есть что-то общее: они пытаются научиться жить. Фрост привносит внутреннюю трагичность в высокую степень известности, рисуя для своих читателей пространственную реальность, которая находится в пределах параметров жилого пространства. Для Фроста это взаимодействие с пространством определяет постоянную борьбу со стороны его персонажей – и со стороны людей – за создание обитаемой среды, которая воплощает истинную сущность жилища [13, с. 84].

Гастон Башлард и Мартин Хайдеггер, объясняющие понятие жилища, дают представление о концептуальной структуре обсуждения. Теоретические идеи двух философов особенно актуальны для поэтических представлений Фроста о жилых помещениях. В определенный период времени индустриализация и первая мировая война радикально повлияли – скорее, существенно изменили – условия жизни сельских общин в Новой Англии, чьи люди еще не были психологически и социально приспособлены к радикальному современному опыту отчуждения в первые годы двадцатого века.

Положение Фроста и многих других и современных авторов в этом недавнем пространственном повороте в литературных исследованиях говорит о растущем интересе критиков к предоставлению новых контекстов интерпретации и понимания. Феноменология жилища Башларда, особенно его подробное описание отношений между субъектом и его пространством, очень важна для пространственных инсценировок Фроста: этих бытовых явлений, которые говорят о последовательной озабоченности поэта современным опытом [3, с. 68].

Трагический аспект, обусловленный этим конфликтом, локализован в пространственной реальности напряженности, страха и трагедии, и дом часто функционирует как место повышенных эмоциональных и социальных встреч. Бахлардский анализ дома предоставляет информативный контекст для пространственной драматизации Фроста этих встреч. В своей «Поэтике пространства», феноменологическом исследовании поэтического образа дома, Башлард утверждает, что дом является «привилегированным объектом для феноменологического исследования интимных ценностей внутреннего пространства, при условии, конечно, что мы возьмем его в единство и сложность и постараемся объединить все особые ценности в одну фундаментальную ценность» [10, с. 3].

Часто в поэзии Фроста события и действия происходят (не просто происходят во временном смысле этого слова) в доме, который функционирует как источник личной, и семейной истории. Мы видим, как персонажи спускаются вниз и поднимаются вверх, по лестнице, на цыпочках спускаются в затемненные проходы, толкают друг друга через двери, сидят на крыльцах, закрывают и открывают двери, проходят мимо домов, построенных из плит, смотрят в окна и гуляют в пустых жилых помещениях.

В этом стихотворении Фрост пространственно драматизирует ситуацию беззакония, которую Башлард считает очень важной в нашем понимании поляризованной природы жилого пространства. В этом стихотворении скрытый семейный секрет убийства раскрывается молчаливому незнакомцу, который «остался на ночь в приюте на ферме» с матерью и сыном. Раскрытие тайны, которая скрыта (но теперь она открыта для незнакомца и, следовательно, для читателя), фильтруется через пространственную память, которая служит примером терминологии Башларда «полярность подвала и чердака» [8, с. 17]. Две пространственные сущности, которые создают то, что Башлард называет «вертикальным существом» дома.

Фрост обеспокоен феноменологически поляризующей природой жилого пространства, принося, как и Башлар, облегчение, обусловленное современными переживаниями, не связанными с последствиями. Помимо Фрост уделяет особое внимание представлению дома как убежища; однако в «Ведьме Коэса» дом не полностью соответствует такому представлению, когда речь идет о связи между пространством и женщиной. Возможно, мы можем рассматривать дом как укрытие только тогда, когда смотрим на него с точки зрения постороннего говорящего, который «оставался на ночь в приюте на ферме за горой» [7, с. 187].

В этом стихотворении посторонний помогает читателю получить доступ к такому неправдоподобному пространству, будучи внимательным слушателем, рассказывая читателю о его опыте в доме, расположенном «за горой». Секрет убийства раскрывается читателю, когда посторонний динамик заходит в дом. То, что было секретом, теперь стало повествовательным историческим рассказом о костях, остатках любовного романа, который никогда не покидал пространственную реальность жилого пространства или память обитателей [11, с. 192].

Подобный в своей феноменологии жилища и пространственных инсценировок собственному феноменологическому объяснению поляризованной природы жилых пространств Бахлардом в современном опыте негомкости, Фрост, безусловно, понимает тонкости жизненного опыта современного человека и полярности его жилища, иначе говоря, его постоянная борьба, чтобы научиться жить. Это пространственно драматизируется в повествовании об отношениях, взаимодействиях и напряженности. В то время как в «The Witch of Coos» обитаемое пространство феноменологически описывается в терминах рациональности и иррациональности, в «Смерти наемного человека» дом описывается в терминах громадности, феноменологического измерения, определяющего саму суть жилище, которое подробно

обсуждается в известной главе Хайдеггера «Строительство, жилище и мысль».

В «Смерти наемного человека» Сайлас не понимает возможностей обитания и не может развиться в настоящего обитателя. Его трагическая смерть как бездомного эксцентричного человека отражает его неспособность жить и правильно измерять свои отношения с идиллическим пространством, где живут Уоррен и Мэри. «Внутренняя нестабильность» жилого пространства в «Witch of Coos» и «Смерти наемного человека» (в которой содержатся иррациональные и трагические эксцентричные фигуры) отражает участие поэта в проблематике жилища и человеческом опыте с космосом [5, с. 73].

Пространственная реальность Мороза определяет неспокойную, иррациональную среду, в которой понятие огромности строится на нечеловечности, а обитатель не способен понять свои отношения с жилым пространством. Феноменология жилища Фроста, его драматизация пространственной полярности и, как следствие, отсутствие близости и связи с жилыми пространствами, отражает глубокое понимание поэтом и знание фундаментальных проблем и экзистенциальных вопросов современного периода. Это осознание заложено в его детальной пространственной драматизации конкретных ситуаций, которые рассказывают всем читателям, обремененным постоянной борьбой за проживание и приспособление к поляризованному характеру существования.

Список литературы:

1. Bachelard, G. 1964. Поэтика космоса. NY: Orion P.

2. Poirier, R. 1977. Роберт Фрост: работа знания. Стэнфорд: Стэнфорд UP.

3. Searfaty-Garzon, P. 1985. Опыт и использование жилья. Поведение человека и окружающая среда: достижения в теории и исследованиях. Том 8, 65-86.

4. Spurr, D. 2012. Архитектура в мороз и Стивенс. Журнал современной литературы. Том 28 (3), 72-86.

5. Талли, Робертс. редактор 2011. Геокритические исследования: пространство, место и картография в литературных и культурных исследованиях. Нью-Йорк: Палгрейв Макмиллан.

6. Видлер А. 1996. Архитектурный дар: очерки в современном мире. Кембридж: MIT P.

7. Frost, R. 1995. Сборник стихов, прозы и пьес. Нью-Йорк: Библиотека Америки.

8. Готье, Дэвид. 2016. Мартин Хайдеггер, Эммануэль Левинас и Политика жилища. Нью-Йорк: Лексингтон книги.

9. Гордон, Х. 2000. Поэтическое пребывание: образовательные проблемы мышления Хайдеггера в поэзии. Амстердам: Родопи Б.В.

10. Хайдеггер, М. 1971. Поэзия, язык и мысль. Лондон: Harpor Colophon Books.

11. Кернс, К. 1987. Место убежища: женщины и природа в поэзии Роберта Фроста. Американская литература. Том 59 (2), 190-210.

12. Лентрихия, Фрэнк. 1975. Роберт Фрост: современная поэтика и пейзажи себя. Дарем: Герцог.

13. McPhillips, R.T. 1986. Расходящиеся и сходящиеся пути: горизонтальное и вертикальное движение в горном интервале Роберта Фроста. Американская литература. Том 58 (1), 82-98.

14. Теймури, Махди. 2016. Место и политика космоса в жизни Дж. М. Кутзи и времена Майкла К. 3L: Юго-восточный азиатский журнал изучения английского языка. Том 22, (1), 29